

Гардероб Монстров

Юрген Лос

16+

Вячеслав Еропов

Гардероб Монстров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54074858

SelfPub; 2021

Аннотация

Гардероб монстров – первый рассказ Юргена Лаоса, повествующий о безответной любви. Произведение выделяется иносказанием: мужчины представлены в виде монстров, которым запрещено покидать шкаф до тех пор, пока они не получают сердце девушки по имени Ника. Монстры остаются в шкафу, пока не засыхают до смерти и их не выкидывают. Но однажды одному из них удастся сбежать.

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	19
Глава IV	24
Глава V	28
Глава VI	32
Глава VII	34
Глава VIII	39

Вячеслав Еропов

Гардероб Монстров

Глава I

Ника любила играть с монстрами при лунном свете.

Она приоткрыла дверцу шкафа, заглянула в узкую щелочку. На вешалках, словно ночные рубашки, висели улыбающиеся монстры. Ника аккуратно достала вешалку с надписью "Виктор". Голубые глаза жадно блеснули, влажные пальцы стянули монстра вниз. Виктор тут же материализовался, в свете луны отразились его жемчужные хищные зубки. По ногам Ники пробежал легкий холодок. Сегодня от Виктора несло странной затхлостью, болотным илом. Он приблизил бледные губы к Нике. Девушка повернула голову, в лицо ей пахнуло рыбьим смрадом.

Виктор обладал достаточным состоянием, чтобы купить лучшую часть города. Ника любила состоятельных монстров. Состоятельные монстры любили Нику. Единственное, что требовалось от Ники, – быть послушной девочкой, готовой вырезать свое сердце. Зажмурившись, она осторожно поцеловала Виктора. Странная жидкость застыла на губах – болотная, студенистая.

Я затаился в глубине огромного шкафа, наблюдая за ис-

чезающими тенями. Я любил Нику. Несмотря на внушительные размеры шкафа, воздуха в нем хватало на несколько вдохов. Представьте, вы висите впритык – вешалка к вешалке – с тучным монстром, вдыхая его ароматные испарения. Вы не можете спать, вы ждете сладостного скрипа открывающейся дверцы. Если вы в первых рядах, вам повезло: целую неделю будете вдыхать свежий воздух и любоваться прекрасным личиком Ники. Неделя – это много. В задних рядах вас утрамбуют по самое не могу (ведь вешалки с новыми монстрами появляются каждую пятницу, а шкаф имеет ограничения в объеме). Мне несколько раз случилось увидеть ловкие ручки Ники, проскальзывающие мимо вешалки с моим именем. Затаив дыхание, я ждал, что выберут меня. Все мы продолжаем ждать, пока в конце концов не засыхаем до смерти и нас не выкидывают, словно кучку тряпья.

– Ви, – слабым голосом позвал меня Дмитрий. – Она ушла?

Я кивнул. Дмитрий был единственным монстром, чья внешность не вызывала рвотных рефлексов: мягкая шерсть, большие глаза, коготки на лапах. В своей неподвижности Дмитрий скорее походил на дремлющего кота, на пушистое облако, медленно опускающееся вниз. Бедняга совсем обессилил.

– Виктор сегодня не в настроении, – пожаловался Дмитрий. – В первых рядах настоящий пожар.

Виктор – хищный монстр с приплюснутым носом и повед-

ками акулы. Если по каким-то причинам настроение Виктора падало, в шкафу резко поднималась температура. Сегодня было особенно жарко. Из-за устройства органов дыхания акула должна постоянно находиться в движении, иначе она утонет (это смешно, но акула может утонуть, опуститься на дно шкафа). Здесь невозможно двигаться, особенно в средних и нижних рядах, там настоящая давка, трясина. Вы можете представить акулу, бултыхающуюся в вязком болоте? Я не могу.

Каждую ночь, проведенную в шкафу, Виктор медленно умирал. В последнее время от него несло рыбьим смрадом. Здесь рано или поздно умирают все. Чтобы окончательно выбраться из шкафа, монстру необходимо поместить сердце человека в свою грудную клетку. У монстров нет сердца. У монстров есть деньги, власть, известность, талант, сверхсила. Но сердца нет.

Я все чаще задаюсь вопросом, способно ли чудовище любить, если у него нет сердца? Способны ли мы хоть что-то чувствовать? Если подумать, все мы оказались в этом проклятом шкафу из-за Ники. Оказались по собственной боли. Любовной боли. Вечной боли. Но похожа ли наша боль на человеческую? Я ни разу не слышал, чтобы в шкафу кто-то кричал, тогда как люди кричат постоянно, начиная с самого рождения.

– Я больше не вынесу, – причитал Дмитрий. – Как она могла выбрать Виктора? От него ведь несет за километр.

– У Виктора в распоряжении весь город, – просто ответил я, – дорогие рестораны, кинотеатры, огромные автопарки, десятки монстров в подчинении. Ты сам знаешь, Ника любит развлекаться.

Дмитрий грустно вздохнул.

– А вдруг она отдаст ему сердце?

– Если оно у нее есть, – я пожал плечами. – Ника играет с Виктором. Если бы она хоть кого-то любила, то не посадила бы в шкаф.

– Не знаю, – Дмитрий задумался. – Как мы здесь оказались? Тем более ты.

– Что я?

– Ты не похож на монстра.

Я самый настоящий монстр. Белая кожа, горящие веснушки. Крылья носа, распускающиеся бутонем при каждом вздохе. Подбородок округлый, крепкий. Губы мягкие, крупные. Глаза голубовато-серые. Самый ужасный монстр – это я. Темная кожа. Крупный нос. Раскосые глаза. Двойной подбородок. Тонкие губы. Зеленые глаза.

Удивлены? Я монстр хотя бы потому, что не имею собственного облика. Вы знали, что хамелеоны способны менять окрас при изменении температуры, освещения и даже настроения? Так вот, я хамелеон в хамелеоне. Для меня не проблема превратиться в Дмитрия, полностью изменить телосложение, голос, повадки. У меня нет истинного обличия: внутреннего и внешнего. Нет постоянных влечений. Однако

есть единственное, чего я хочу, – полностью и неизменно – заполучить в руки теплое сердце Ники.

– Будь моя воля, я бы сбежал, – продолжил Дмитрий. – Раскачался бы как следует, проломил стену. Я ведь даже не помню, как очутился здесь.

Никто не помнит. В первых рядах ходят слухи, что после влюбленности наш мозг напрочь ломается, полностью пропадает память. К примеру, я ни разу не видел город, только слышал о нем. Меня, как и большинство монстров в этом шкафу, ни разу не выбирали. Если переводить на обыкновенное время, я сижу здесь около года. За этот промежуток я успел основательно поразмыслить над значением человеческой фразы «если нет ветра, беритесь за вёсла». И знаете что? Я выгребусь из этого шкафа. Хоть как, но выгребусь, чтобы еще раз взглянуть на прекрасное личико Ники. Дмитрий не сможет выбраться. Только я.

– Как планируешь сбежать? – уточнил я. – Ты слишком слаб.

– Проломлю дверь! – прорычал Дмитрий.

Этот гигантский тигр занимал сразу три места. Когда он издавал оглушающий рык – шкаф дрожал. Все разбегались в стороны, словно маленькие рыбки. Я думаю, за пределами шкафа Дмитрий ел других монстров. Людей просто топтал, выдавливая из них жимолость.

Но сейчас от грозного ДМИ-ТРИ-Я осталось только крохотное «ми», от угрожающего рыка – пушистое «мяо». Он

голодал вторые сутки. Завтра за ним придет любовник Ники, монстр по имени Адель. Иностранец. Талантливый скорняк, мастер по производству меховых изделий. Когда он впервые увидел Дмитрия, все его восемь глаз вылезли из орбит и окружили беднягу. «Отличная выйдет шуба. Дорогая, – заключил он. – У меня имеется еще пять экземпляров во Франции». Так или иначе, кот был не жилец.

А сколько продержусь я? В лучшем случае еще месяц. Вы бы вы знали, как противно осознавать свою беспомощность перед высшими силами, которые люди именуют любовью. Эти высшие силы способны загнать в шкаф даже меня – монстра без устойчивых эмоций и чувств.

– Я знаю, что станет со мной после смерти, – сквозь зубы процедил Дмитрий. – Из меня сделают проклятую шубу, которая будет висеть на вешалке в пыльном шкафу. Ничего не изменится. Ирония судьбы, не так ли?

– Я не знаю, что такое судьба, – честно признался я. – Возможно, когда-то знал.

Кем я был до встречи с Никой? Все выветрилось из головы. Казалось, я тогда встретил саму любовь. Глаза в глаза. Удивление в удивление. Помню только бар, десяток мужчин и легкий взмах ресниц Ники.

Легкий взмах ресниц – мужчины подлетают в воздух.

Легкий взмах ресниц – она помахивает ими, словно веером.

Легкий взмах ресниц – она аккуратно складывает каждо-

го, уносит в шкаф и просит вести себя тихо.

Мужчины покорны. Мужчины влюблены. Я типичный представитель мужского пола. Даже сейчас ей достаточно взглянуть на меня, и я сразу все забуду: шкаф, липких монстров, бессонные ночи. Пока чудовище внутри меня не получит сердце, оно не успокоится.

– Я люблю Нику.

– Я тоже люблю Нику, – повторяет Дмитрий. – А Ника любит деньги. В этом плане люди ничем не отличаются от монстров.

Интересное предположение. В самом деле, что такое деньги? На что они способны?

Глава II

Деньги творили чудеса. Город раздвигал стройные дороги перед Виктором. Монстр мчался на белом мерседесе по маленьким улочкам, время от времени поглядывая сидящую на рядом Нику. Они изрядно выпили: площадь Неверона плыла перед глазами, огни переливались из одного фонаря в другой, словно коктейльная жидкость из стакана в стакан.

– Заедем в одно место, – предложил Виктор. Не дождав-шись ответа, он резко повернул в сторону.

«Апероль» был излюбленным заведением монстров. Облицовка отражала лунный свет ярче электрических гирлянд и прочей людской мишуры. Вы можете представить европейского удильщика, хищную рыбу с удочкой на голове? Так вот, «Апероль» – это городской удильщик, привлекающий лунным огоньком неосторожных туристов. Если вас каким-то образом занесет в ночной «Неверон», опасайтесь ярких огней. Когда добыча подплывает к охотнику, удильщик в доли секунды открывает пасть и заглатывает жертву вместе с камнями, городской пылью и обрывками света.

Виктор подал Нике холодную руку. На ее лице заиграла улыбка. Удивительно, какими любезными становятся монстры, стоит им только обнаружить пустоту в своей груди. Ее – эту пустоту – Виктор ощущал как холодный сквозняк, будто кто-то забыл закрыть дверь в грудной подвал. В огромный

подвал, откуда веяло смертью. Эту пустоту могло заполнить только человеческое сердце. Вот оно, сидит рядом. Так близко, только руку протяни. Так далеко, что и руки можно лишиться.

Бессердечные монстры не имели права убивать людей. Большинство из них умирали сами к четвертому десятку, так и не подержав в своих лапах человеческое сердце. Но чаще всего они умирали иначе: их ловили, продавали или съедали другие монстры в заведениях вроде городского удильщика.

– Тебя никто не тронет, малышка, – Виктор обнажил острые зубы. – Сегодня на ужин броксы в пряном соусе. Тебе понравится.

Они вошли внутрь хищного здания, «Апероль» в мгновение захлопнул пасть. В самом центре зала располагался огромный рояль. Слепой пианист повторял нотный шрифт Брайля, ожидая прибытия важных гостей. Шоферы пили дешевый джин. Состоятельные господа рассматривали «ночных бабочек» (те в действительности имели крылья), пробуя на вкус их серебристую пыльцу, действующую на мозг как наркотик. Дорогие девушки уходили в сопровождении состоятельных господ и никогда не возвращались обратно в «Апероль». Понятное дело, после веселой ночи их тут же съедали. Таким образом они отдавали свою девственность вместе с жизнью, не оставляя шансов другим монстрам. Примечательно, пыльца еще несколько дней оставалась на губах, как легкое послевкусие, как *напоминание*. И чем дольше со-

хранялся вкус, тем дороже оценивалась носительница пыли.

Состоятельные господа смерили взглядом вошедшую Никку: светлые волосы скрывали милое личико, легкое платье обнажало матовые плечи. Один из монстров склонился над ней, уткнулся носом в золотистые волосы. Теплый аромат, шедший от Ники, был настолько хорош, что монстр внезапно уронил слезу. «Это не девушка, – подумал он, – это богиня».

Светлые волосы. Она пахла жарким днем. Солнечным июнем.

Голубые глаза. Она пахла дождливым небом. Внезапным приливом.

Матовая кожа. Она пахла чистым мрамором. Белой твердостью. Скульптурой.

В ней было что-то возвышенное, не поддающееся пониманию. Это была не «ночная бабочка» с ее белесой пылью – горькой, пряной. Нет, вздор. Казалось, перед ним предстала любовь в своей самой чистой форме. Ника могла извлечь из себя вселенную. Стучащую в грудной клетке вселенную, способную создать новую жизнь.

Монстр осторожно прикоснулся к обнаженному плечу Ники и чуть не упал в обморок, когда она подняла на него свои глазки. Всей голубизной они отвечали ему: «Я люблю тебя, люблю». В одно мгновение бедняга потерял память. Ника плавно обвела шею монстра пальчиком.

– В моем шкафу нет места, дорогуша, – ласково сказала

она. – Жди до пятницы и никуда не уходи. Понял?

Монстр слабо кивнул. К Виктору подошел полный официант, дрожащим голосом проговорил:

– Доброй ночи, сегодня у нас бруксы в...

– Знаю, – грубо перебил его Виктор. – Я владею этим заведением. Принеси кубинские сигары, апероль шприц моей даме.

Официант кивнул и быстро удалился. Виктор медленным шагом двинулся к своему кабинету, приобняв скользкой рукой талию Ники. Они вошли в небольшую комнату. На стенах висели наколотые энтомологическими булавками ночные бабочки. Виктор собирал коллекцию, состоящую только из девушек с золотистыми крыльями. Он откупорил пятилитровую бутылку Leon Verres, усыпанную бриллиантами. Это была самая дорогая водка, фильтруемая через алмазную крошку. Опрокинув рюмку, монстр упал на стул, обитый мягкой дорогой кожей, и принялся разглядывать свою коллекцию.

– Ты знаешь, что большинство наших бабочек сумеречные существа? – обратился он к Нике. – Лишь немногие особи ведут дневной образ жизни. Представляешь, если бы нам приходилось ловить этих красавиц днем? Монстры так редко выходят на свет.

– Я не знала, – ответила Ника. Она осторожно присела на кожаный стул, подальше от засохших бабочек.

Виктор окинул Нику недовольным взглядом. Он очень

устал. Конечно, за сорок лет жизни он научился ловко обходить неровности судьбы, но опыт не страховал от депрессии. Сорок лет, подумать только. Он создал бизнес с нуля, пережил конкурентов, открыл сеть ресторанов для монстров. Но сейчас это не имело значения. Какая разница, сколько ты открыл заведений, если не способен закрыть дверь в грудной подвал, откуда доносятся страшные звуки. Эти звуки не давали ему спать третий год.

Постучавшись, официант нерешительно вошел в кабинет. Ника весело захлопала в ладоши, подняла тяжелый бокал, поднесла соломинку к мягким губам. Виктор обрезал запечатанный кончик сигары каттером, резко провел спичкой по шероховатому чиркашу, поджег сигару.

– Сколько тебе лет? – медленно выпустив дым изо рта, спросил он.

– Мне восемнадцать.

– Восемнадцать! – восторженно повторил Виктор. – В свои восемнадцать я не ходил в подобные заведения. Меня бы съели прямо на пороге.

Ника пристально смотрела на него, продолжая пить коктейль через тонкую соломинку. Она не могла понять, зачем Виктор притащил ее в этот странный ресторан. Сегодня он вел себя крайне подозрительно.

– Ты знаешь, сколько монстров в этом заведении? – спросил Виктор, опрокинул очередную рюмку, и ответил за Нику: – Не знаешь. Около восьмидесяти. И все бессердечные.

Ника продолжала смотреть на него непонимающим взглядом.

– Зачем мы здесь, Виктор? – наконец спросила она.

Он молчал.

– Если тебе нужно мое сердце, чего же ты ждешь? – она усмехнулась. – Подойди, возьми его.

Виктор снисходительно улыбнулся в ответ.

– Ты зря играешь с монстрами, дорогая, – протянул он. – За тобой наблюдают влиятельные господа, и все жаждут получить тебя в свою коллекцию. Ты знала?

Виктор встал со стула, подошел к Нике, медленно провел рукой по ее светлым волосам.

– Я очень люблю золотых бабочек, – продолжил шепотом он. – Некоторые сходят с ума по светловолосым человеческим особам. И я прекрасно их понимаю. Мы – монстры – так редко видим свет.

Ника отстранила холодную руку Виктора.

– Я неприкосновенна, – спокойно ответила она.

Виктор сочувственно покачал головой.

– Неприкосновенна, – повторил он. – Но ведь не бессмертна.

Ника отставила бокал в сторону. Обнаженные руки на мгновение покрылись мурашками.

– Тебе не звонила мать? – равнодушно осведомился Виктор. – Буквально на днях.

Ника вздрогнула.

– Откуда ты знаешь?

– Вчера с девяти вечера до одиннадцати ночи она перечисляла драгоценности, присланные на днях таинственным поклонником. Насколько я осведомлен, распаковать она успела двадцать коробочек из тридцати.

– Кажется...

– Твоя мама любит растягивать удовольствие. Уже целый год она получает подарки. А теперь представь, что таинственный незнакомец в один день умрет. От сердечной недостаточности, к примеру. Она очень сильно расстроится, обнаружив в очередной посылке не драгоценности, а малеконского жука. Так сказать, прощальный подарок.

– Виктор! – воскликнула Ника. Малеконский жук одним укусом превращал человека в кипящую жидкость. Это было излюбленное насекомое Виктора. Он отворил стеклянную дверь шкафа, поставил бутылку Leon Verres на место.

– Все должны знать свое место, малышка. Поэтому хорошенько подумай, какие подарки будет получать твоя мама. Пойми меня, я всем сердцем желаю ей здоровья, – заключил он, делая акцент на слове «сердце».

Ника исподлобья смотрела на Виктора. Монстр опустился на колени, ласково приподнял ее подбородок.

– Ну, не грусти. С минуты на минуту подадут броксов. Вернемся в зал, с тобой давно хотели познакомиться влиятельные господа. Будет неудобно, если тебя увидят в таком

настроении.

Ослабившись, Виктор подал Нике скользкую руку. В каждом его слове чувствовался подвох, за которым скрывался еще один подвох: незаметный и непредсказуемый, как малеконский жук. Ника сделала над собой усилие, взяла руку Виктора.

– Мы еще долго будем здесь? – спросила она.

– Мы недолго, – ответил Виктор. – Я не вернусь в твой шкаф.

Он обнял Нику.

– Три дня, моя дорогая. Подумай хорошенько и дай мне ответ. А сейчас идем отдыхать.

Через три дня Ника одумается.

Через три дня она вернется к Виктору.

Через три дня сердце Ники будет в его руках.

Глава III

Адель заканчивал принимать душ. Издалека он напоминал прекрасного ангела с фарфоровой кожей. Ровные белые зубы, мягкие черты лица, классический прямой нос с узкими ноздрями. Восемь чистых глаз готовы были выпасть из орбит, утонуть в его же водном отражении. Архитектор, спроектировавший данное создание, либо был сумасшедшим, либо изначально ставил перед собой цель умалить работы коллег, штампующих отвратительных монстров. Так или иначе, Адель был прекрасен, совершенен, но в то же время уязвимым. Он не чувствовал себя уникальным монстром – цельным организмом – и его это убивало.

Стряхнув капли с легких перьев, он вышел из душевой комнаты, окинул взглядом скромную обстановку своего временного пристанища. Ему нельзя было показываться, особенно ночью, поэтому он выбрал самый спокойный район Неверона. Спящую улицу. Сонную артерию города, на которую никто не станет давить. В особенности Виктор.

В город ангел прибыл исключительно ради Дмитрия, который по счастливой случайности оказался в шкафу Ники (он увидел объявление в «темной сети» еще в Париже).

Уникальных монстров продавали, а затем либо съедали либо отдавали на изучение. Влюбленных монстров помещали в шкаф, чтобы те не учиняли беспорядков. Адель отно-

сился к обеим группам – был уникален и влюблен – но каким-то чудом до сих пор оставался на свободе.

Встреча с Никой закончилась для него незапланированной маленькой смертью. Как говорят французы, «la petite mort». Это была смерть с первого взгляда, сама любовь.

Переполненные нежностью друг к другу, они решили поселиться во Франции. В Париже ангел работал на влиятельного господина по имени Силестин, готового платить огромные деньги за меховые изделия из редких монстров. Бескомпромиссного господина. Адель не мог вернуться во Францию с пустыми руками, ему нужен был Дмитрий.

Почистив перья и уложив темные волосы, он осторожно приоткрыл окно, стараясь не разбудить соседей. Какое счастье, утро только начиналось. Спали все: монстры, люди, животные. Выбравшись наружу, он расправил крупные крылья, оторвал от подоконника сильные ноги, сделал глубокий вдох, наполнив ноздри утренней теплой пылью. Ангел поднялся ввысь, закрутив воздух в спираль.

С высоты город казался престранным местом. Улицы раздувались отвратными новообразованиями: здоровые деревянные домики поглощались многоэтажками. Будто кто-то порезал вены: людские потоки так и хлестали, жители уезжали из города. Неверон медленно мутировал, истекая кровью. Через несколько лет по его дорогам будут передвигаться только монстры, не останется ни одного человека. Но сначала начнется настоящая битва за людские сердца. Ангелу же,

не отличавшемся богатством, невероятно повезло с красотой. Если бы не его бескорыстие, он бы давно попросил у Ники драгоценное сердце, взял его и отправился обратно в Париж. Но ангел потому и ангел, что не мог просто *взять*

Квартира Ники неудачно располагалась на восьмом этаже, прямо под прицелом монстров Виктора. Адель стрелой влетел в открытое окно, оставив позади себя кудрявые завихрения пыли. Его могли заметить.

– Адель! Все пропало!

Ника подбежала к ангелу.

– Виктор, – порывисто выдохнула она, – он убьет меня.

– О чем ты говоришь?

– Он хочет убить мою маму... малеконский жук, – запинаясь, проговорила девушка. – Он дал мне три дня.

Адель нежно взглянул на нее, взял за руку. Люди всегда гиперболизируют проблемы. Что такое «мама», он знал только по слухам. У монстров нет родителей, есть только архитекторы.

– Виктор хочет напугать тебя. Монстры не могут убивать людей. Им не позволено.

Ника перевела дыхание.

– Монстры, – шепотом повторила она. – Хватит с меня монстров.

Она метнула ненавидящий взгляд в сторону шкафа.

– Я сожгу его, – зло произнесла Ника. – Клянусь, я сожгу его этой ночью.

Это не входило в планы ангела. Нельзя возвращаться во Францию без Дмитрия.

– Ты уверена? – уточнил он. – Давай подождем.

– Чего? Когда Виктор до нас доберется?

Она подошла к шкафу, открыла дверцу. Солнечный свет ослепил монстров, вешалки качнулись.

– Хочу сжечь мосты и наконец-то уехать из этого проклятого города.

– Мы не сможем уехать без кота, дорогая, – попытался образумить ее Адель.

– Тогда убей его!

Адель взглянул на трехметрового Дмитрия, сглотнул.

– Он должен ослабеть. При этом его нельзя травить или бить электричеством, качество шкуры заметно ухудшится. Просто подождем.

– И сколько нам ждать? Он не ест и не пьет уже вторые сутки.

– Да-а, – протянул Адель. – Живучий попался, гад.

Дмитрий висит в одном метре от меня и с интересом слушает, каким образом его убьют. Он не в силах пошевелиться. Его ненавидят просто за то, что он еще дышит. Я ощущаю ангельский запах Аделя, смешанный с ароматом Ники и солнечным светом. Мне становится дурно.

– Я так и знала, что у нас ничего не получится, – мрачно говорит Ника. Она поворачивается к ангелу, в глазах стоят слезы.

Адель не понимает, что происходит. Он не знает, что делать.

Ника начинает рыдать, она захлебывается слезами, уткнувшись ему в плечо. Ангел легко касается рукой ее талии. Он чувствует, что ему сейчас надо молчать: он совершит фатальную ошибку, если начнет ее утешать. Единственное, что от него требуется, – это впитывать эмоции и защищать ее от крупнокалиберных взглядов монстров.

Адель понимает все, что происходит. Он знает, что делать.

Ника поднимает голову: тушь течет по ее красным щекам, подбородок слегка дрожит. Она пытается сказать «извини», но выходит только прерывистое «ни-ни».

Сейчас самое время подать голос.

– Все хорошо, – невозмутимо отвечает он. Вторая рука ложится на талию Ники.

– Ты возьмешь нас с мамой в Париж? – она всхлипывает, вытирая слезы.

Ангел кивает и нежно целует Нику, придерживая ее голову рукой. Ника не сопротивляется. Адель впивается губами в ее губы. И вот она – идеальная пара – вспыхивает всеми оттенками страсти в лучах утреннего солнца.

Я смотрю на влюбленную пару, и во мне вскипает ярость.

Я не моргаю даже тогда, когда солнце лезет мне под ресницы.

Я не отвожу взгляда от ангела, пока Ника не закрывает дверь шкафа.

Глава IV

Никто не выберется из шкафа, кроме Дмитрия. Эта мысль не дает мне покоя. Как же я теперь без Ники? Смерть, как всегда, приходит неожиданно. Хотя, если рассудить, конец наступил с того самого момента, как только Адель появился в комнате. Проклятый ангел, что ему понадобилось в этом городе? Он целовал Нику в губы, о чем я мог только мечтать. Я не выдержу, если ее сердце достанется какому-то скорняку. Нет. Я убью ангела, как только выберусь из этого проклятого шкафа.

Нужно срочно что-то предпринять, например, сломать дверь или превратиться в Дмитрия. Но тогда меня убьют в первую очередь. А после Дмитрия здесь не останется ничего, кроме огня.

– Они думают, что я умру от голода, – бубнил Дмитрий. – Только они не учли, что я не травоядный.

Не травоядный. Хищник. Мысль молнией пронесется в моем мозгу. Безумная идея, как можно выбраться из шкафа.

– Ты не в себе, как я вижу.

– Не в себе?! С меня собираются живьем содрать шкуру! Адель ждет, когда я ослабну и перестану сопротивляться. Но этот крылатый не дождетсЯ, я так просто не сдамся!

Он и прежде знал, что его рано или поздно убьют, но протестовать начал именно сейчас. В этом монстры схожи с

людьми.

В шкафу тем временем началась настоящая давка, никто не хотел умирать в огне. Мы готовы были умереть от голода, от недостатка воздуха, от вонючих испарений, ибо с самого нашего появления осознавали, к чему все идет. Смерть была далека и туманна. Но стоило Нике произнести страшное «я сожгу шкаф этой ночью»... Монстры открыли воспаленные глаза, вешалки затряслись, спящая сила заиграла в мышцах. Кто-то взорвался от испуга, забрызгав водянистой кровью дорогую шерсть Дмитрия. Стало совсем жарко. Кипятильно. Шкаф превращался в раскаленный добела котел.

– Я не хочу умирать, – выдавил из себя Дмитрий. – Только не так.

– Я тоже не хочу.

Дмитрий голодал вторые сутки, и это было мне на руку. Я его заставлю себя проглотить, после чего уплотню кожу, выпущу шипы. Его организм никогда меня не переварит, а сам он не доживет и до вечера. У Аделя не останется выбора, кроме как забрать тело и быстро снять шкуру, пока та не испортилась. И тогда я покажусь. Выпрыгну из кота, вот это будет сюрприз. И тогда я узнаю, действительно ли монстры не кричат. И тогда я попробую на вкус божественную кровь. И тогда Неверон – этот мертвый город – превратится в рай для ангелов.

Осталось только вывести из себя Дмитрия, разбудить в нем, так сказать, внутреннего монстра. Я его давно знаю,

нужно всего лишь надавить на больное.

– Ты не выберешься живым, – предупредил я. – У тебя ни единого шанса.

Дмитрий устремил на меня убийственный взгляд, выпустил когти.

– Не болтай лишнего, – процедил он сквозь зубы.

– А что тут лишнего? Ты очень слабый.

Сейчас он сорвется, не выдержит. Да, я использую его, и что с того? Его жизнь ничего не стоит. Хотя Адель со мной бы, конечно, не согласился.

– Твоя шкура дорого обходится всем нам, – продолжаю дразнить его я. – Если бы не ты, Ника бы никогда не встретила Аделя.

– Еще слово...

Я молча выдираю у него клочок шерсти. Он гневно рычит в ответ и скалит желтые зубы. Вешалка прогибается, тяжелая лапа вдавливают меня в пол. Сейчас начнется.

Перед погружением в огромную пасть я резко меняю обличье, уменьшаюсь в размерах, кристаллики кожи уплотняются, становятся алмазно-прочными. Дмитрий безуспешно пытается их прокусить. Я верчусь у него во тьму, как стальная шестеренка, не ощущая ни малейшего давления. Спустя пять минут, изрядно попортив зубы, он все-таки решается проглотить меня. Коты никогда не отличались умом и сообразительностью, монстры – тем более.

Сегодня вечером Дмитрий умрет.

Сегодня я выберусь из его тела.

Сегодня сердце Ники будет моим.

Глава V

Солнечный свет заиграл на сонном лице Ники. Она лежала на мягкой кровати, укрытая крыльями ангела. В порыве страсти Адель потерял несколько перьев – улики любви – разбросанные по полу от шкафа до кровати. Короткая дорога страсти, взлетающая в воздух при легком дуновении ветра.

Ника открыла глаза. Лучи отражались в чистом лице ангела, словно в зеркале. Казалось, взглядишься чуть пристальнее, и сможешь увидеть собственное отражение. Ника нежно провела рукой по его темным кудрям и, чуть приблизившись, поцеловала в губы. Адель проснулся.

– С возвращением, – она улыбнулась.

– Как в домике, – прошептал Адель.

– Да, – радостно подхватила она.

Так они пролежали целый час, пока ангел краем восьмого глаза не заметил странное подрагивание шкафа.

– Ника, – позвал ее Адель. – Проснись.

– Зачем? Ночь еще не наступила, – она крепче прижалась к нему. – У нас есть немного времени.

– У нас будет гораздо больше времени в Париже, – тихо ответил ангел, продолжая следить за шкафом. – Нужно покончить с котом до наступления темноты, если мы собираемся уехать в ближайшие дни.

– С каким котом? – сонно спросила Ника.

Адель глубоко вздохнул, сложил крылья. Ника, оставшись без укрытия, тут же натянула на себя одеяло. Люди так быстро забывают неотложные дела, стоит им погрузиться в сон. Существуют редкие монстры, отличающиеся непостоянством и хаотичностью. Их еще любят обзывать хамелеонами, так как они неосознанно меняют обличье каждый час. Архитекторы, создавшие данный вид, явно вдохновлялись сонными людьми.

Ангел встал на ноги, поспешно подошел к шкафу, дотронулся до двери и тут же отдернул руку, обжегшись. Он прислушался, из шкафа доносились едва уловимые звуки. Странное бульканье.

– Ника, – Адель повысил голос. – Шкаф дрожит.

Она моментально открыла глаза, испуганно подскочила с кровати.

– Что?

– Там что-то движется.

Ника ринулась к шкафу, легким касанием отстранила ангела, распахнула тяжелые дверцы. Бордовая кровь хлынула на пол. Ника зажмурила глаза.

– Боже, – неслышно прошептал Адель. Он подошел ближе, ступив босыми ногами в лужицу теплой крови.

В шкафу, скорчившись, лежал Дмитрий – весь в крови – его когтистые лапы вцепились в то, что осталось от неизвестного монстра. Рядом с ним: поломанные вешалки, оторван-

ные конечности чудовищ. Оставшиеся в живых впервые не улыбались.

Дмитрий не собирался сдаваться и умирать от голода. Проглотив меня, он принялся за остальных: монстры один за другим пропадали в его необъятной глотке. В какой-то момент мне стало до тошноты неудобно в его желудке. Поверьте, там было на порядок теснее, чем в шкафу. Поэтому я решил не мучить беднягу и тех монстров, которым не повезло находиться с ним в одном ряду. Выпустив шипы из своего тела, я проткнул важные органы Дмитрия. Обезумев от боли, тот начал крушить все вокруг. Убивать без разбора. Я ничего не видел и не слышал, зато отчетливо чувствовал. Пока Ника и Адель сладко спали, в шкафу кипела кровь.

– Он мертв? – спросила Ника.

Адель тревожно прислушался. Сердце Дмитрия едва слышно билось, кровь медленно текла по венам.

– Он еще жив, – выдохнул ангел. – Его нужно достать.

Ника отошла в сторону, не желая смотреть. Она сдвинула шторы, чтобы солнце не отражалось в луже крови на полу, вернулась в кровать и натянула одеяло до подбородка.

– С меня точно хватит монстров, – заключила она.

Адель вытащил полуживого Дмитрия из шкафа, закрыл дверцы.

– Мне нужно вернуться к себе. Все инструменты там.

– Нет! – воскликнула Ника. – Не бросай меня.

– Я вернусь завтра днем.

– Пожалуйста, – попросила она, – забери инструменты и возвращайся. Не оставляй меня наедине с монстрами.

– Я не могу, – поник ангел. – Виктор либо его подчиненные могут навестить тебя ночью, а мы даже подозревать не будем. Лучше свяжись с мамой, пока я буду заниматься котом.

Ника хотела подать голос, но осеклась. Адель был прав. Если Виктор заподозрит хоть малейшую угрозу, он поднимет на ноги весь город. Чтобы удостовериться, какие острые у акулы зубы, не обязательно лезть к ней в пасть.

– Ты прав, – сдалась Ника. – Лучше держать Виктора в дураках, чем бороться против него.

Адель одобрительно кивнул, выпустил орлиные когти на ногах, ухватил ими Дмитрия.

– Только обязательно возвращайся! – живо отозвалась Ника, в мгновение оказалась лицом к лицу с ангелом, обняла его.

Была ли это та самая человеческая любовь, о которой шепчутся между собой чудовища? Адель обнял Нику, поднялся с ней в воздух. Неужели он станет тем самым монстром – единственным в своем роде – кто удостоится носить в груди настоящее человеческое сердце? Его лицо озарила блаженная улыбка. Он держал Нику навесу. Держал так, как если бы у него в руках была новая жизнь.

– Обещаю, я вернусь.

Глава VI

Виктор потягивал сигару, наслаждаясь прекрасной музыкой: слепой пианист заканчивал третий этюд Ференца Листа. Дождавшись конца пьесы, к столику Виктора неслышно приблизились его подчиненные.

– Доброго вечера, – подал голос один из них. Он положил на столик фотографию ангела, вылетающего из окна Ники.

– Знакомые крылья, – задумчиво произнес Виктор. – Кто это?

– Мастер меховых изделий из Франции. Попадается нам уже третий раз за неделю, и всегда в утреннее время.

– Выходит, он скрывается. Что еще известно?

– Собирается улететь из города через два дня. Примечательно, что прибыл он один. А на обратный рейс взял аж целых три билета.

Виктор задумчиво потушил сигару.

– Занимательные совпадения. И где живет наш крылатый друг?

– Мы... мы не следили, – растерянно произнес подчиненный. – Днем ведь ничего не разберешь.

Виктор откинулся на спинку стула, разочарованно вздохнул. Выходит, Ника не послушала его совета. Как странно сложилось, что он дал ей три дня, а обратный рейс отправляется через два дня. Медлить было нельзя.

– Соберите моих монстров, – скомандовал он.

Глава VII

Вечер медленно тянулся по небу, продлевая жизнь Аделя. Его самая темная ночь была впереди. Вернувшись в съемную квартиру, он положил Дмитрия на крохотный деревянный столик. Казалось, еще чуть-чуть, и ножки подломятся, огромный кот свалится на пол. Трудно работать ножом, когда нет надежной опоры. В поисках клеенки или другого непромокаемого материала Адель перевернул всю комнату. Разумеется, он ничего не нашел. Тот, кто сдал ему квартиру, едва ли мог предположить, что здесь будут разделявать монстров.

Адель достал шкуроръемные ножи, острые лезвия, размял руки. К этому тонкому делу не подходили его изогнутые когти на ногах. В лучшем случае из шкуры он получил бы каминный коврик. И тогда бы Селестин собственноручно ошпал его перья, набил ими подушки для своих господ. Медлить было нельзя, солнце почти скрылось за крышами домов.

Перевернув Дмитрия лицом кверху, ангел вытащил из кожаного чехла нож-скиннер, используемый исключительно для вспарывания живота. Острие гладко вошло под кожу, но внезапно встретило препятствие, как будто зацепилось крюкообразным обухом за кость. Адель потянул рукоять, однако нож не поддавался. Тогда ангел потянул еще сильнее и тут

же остановился, почувствовав странное давление в животе Дмитрия. Там что-то шевелилось, и это «что-то» держало лезвие. Адель в страхе отступил назад.

Это было эффектным представлением. Я не просто вылез из Дмитрия – я взошел кровавым цветком – раскрыв его плоть, словно лепестки. Зрачки Аделя расширились, крылья сами расправились, упершись в потолок. Он понимал – всем своим чудовищным чутьем понимал – что я оказался в Дмитрии с одной целью. Убить его.

– Стой-стой. – Восемь глаз ангела уставились на меня. – Не надо.

Он шептал «не надо», цепляясь сведенными пальцами за голые стены. Маленькая птичка, бьющаяся в собственной клетке. Пташка, которая не хочет погибать. И внезапно на меня накатило отвратное чувство – жалостливое, милосердное. Нечто человеческое. Кристаллики кожи вернулись в исходное положение, я изменил обличие на безобидное, мягкое. Проклятые архитекторы хамелеонов, они перестарались с интенсивностью моей изменчивости. Я готов был вцепиться в тонкую шею ангела, но руки стали тяжелыми, непослушными. Почувствовав мою беспомощность, он выпрямился, поднял голову, спокойно оценивая обстановку.

– Так-так, – наконец ослабилась Адель. – Насколько я знаю, хамелеоны меняют обличие раз в несколько часов.

Он сложил крылья, не спеша подошел к шкуроръемным инструментам, взял лезвие.

– Ты смелый, раз решил спрятаться внутри кота, – продолжил Адель. – И ведь не боялся, что обратишься у него прямо в желудке?

– Я не думал в тот момент, – честно признался я. – В шкафу начиналась бойня. Тебе это место незнакомо.

– Да, – согласился ангел, его глаза округлились. – Ника никогда бы не посадила меня туда. Она бы не посмела!

Он уверенно и спокойно двинулся на меня, перешагнув через тушу Дмитрия, вывернутую наизнанку.

– А ты только что уничтожил мой заказ, – с угрозой в голосе произнес Адель. – Теперь мы не сможем вернуться в Париж, придется перебираться в другой город. Но ничего, хамелеоны дорого ценятся на черном рынке. На тебя наденут электрический ошейник, и ты будешь шпионить для важных господ, пока тебя в один день не прикончат.

– Что ты несешь? – через силу выговорил я. Онемевший язык не слушался, а нужно было разболтать Аделя, потянуть время. Он еще не знает, что мои метаморфозы спонтанны, а не «раз в несколько часов».

– Ты не знал? Порой хамелеоны ублажают господ, превращаясь в прекрасных нимф, наподобие ночных бабочек. Я всегда завидовал этим уникальным монстрам, у них ведь такой неограниченный потенциал. Они способны быть и мягкими, и твердыми одновременно. Но это все неважно, ведь, как и большинство других чудовищ, они не доживают без человеческого сердца даже до четвертого десятка. А я... я

беспомощный ангел – насмешка архитекторов – стану единственным, кого выбрала Ника. Единственным бессмертным ангелом! Наконец-то цельным! У-НИ-КА-ЛЬ-НЫМ!

– Сомневаюсь, – прошептал я. – Монстры никогда тебя не признают.

– У них не останется выбора! – резко ответил Адель. – Ни один бунтовщик не останется в живых. Сейчас я покажу!

– Подожди!

Но ангела было не остановить. Он разбежался, воткнул в меня острое лезвие с фехтовальной точностью, не задев важных органов. И расхохотался, распахнув крылья, словно желая охватить ими ночной Неверон, этот город чудовищ.

– Я стану королем монстров! – воскликнул он. – И больше не придется прятаться. Больше не придется страдать от солнца.

Пока ангел красовался перед окном, словно перед зеркалом, я почувствовал внезапный прилив сил. На коже выступила шерсть, ноги подкосились, согнулись по-кошачьи. Развернувшись ко мне, Адель так и застыл у окна – с наивной улыбкой и счастливыми глазами. Пташка попала в кошачьи лапы.

Тяжелым ударом я сломал ангелу ровные зубы, маленькие кусочки застряли у него за щекой. Вторым ударом повалил на землю. Пташка беспомощно била крыльями, пытаясь вырваться.

Я вколачивал его лицо в деревянный пол, пока не почув-

ствовал под собой странную мякоть – сыроватую, бесформенную массу. Пташка так и не закричала.

Весь в поту и крови, я стукнул себя по лбу от досады. Очередная метаморфоза. К горлу подкатило отвратное чувство вины. Выплюнуть бы его, как комок шерсти. Все должно было закончиться иначе, ангел не должен был прилетать в Неверон, Дмитрию не стоило влюбляться в Нику, а мне – появляться на свет. Я дернул оконную ручку, и тут все побелело в глазах. Комната выветрилась из головы заснеженным ноябрем.

С чего я взял, что Ника – это прекрасное создание – будет любить меня? С чего я взял, что она будет целовать меня, как ангела? Я облизнул губы, ощущая соленый привкус крови. Она никогда не посмотрит в мою сторону, если я не стану тем, кем она хочет.

Она любит Аделя. Но что собой представляют человеческие чувства? Из чего они состоят и как проявляются? Запах, внешность, самость – все это я могу скопировать. Превратиться в ангела, которого она так любит. Заподозрит ли ее любовь подвох?

Выбора не оставалось. Пусть на несколько минут, но я стану для нее ангелом. А она, пусть и на мгновение, но станет моей.

Глава VIII

Адель был в беде, Ника чувствовала это сердцем. Она в ужасе просыпалась второй раз за ночь. На приставном столике горела одинокая свеча, тени монстров тянулись к ее кровати. Она закрыла заплаканные глаза. Луна, уронив последнюю слезу, спряталась за хвойными ресницами. Свеча потухла, тени хлынули к Нике.

– Нет! – крикнула она в темноту. – Адель!

Окно приоткрылось, зашелестели тихие шаги. Ника натянула на себя одеяло, укрывшись с головой.

– Я здесь, – послышался знакомый голос.

– Адель? – робко спросила Ника.

– Да.

Луна выглянула из-за туч, осветив ангельские крылья. Ника подскочила с постели, обняла любимого.

– Мне снился ужасный сон, – взволнованно сказала она. – Как будто ты бьешься в клетке и не можешь улететь.

Адель молчал. Он смотрел в прекрасное лицо Ники, не в силах оторваться. Его глаза наполнились тем особым умилением, какое бывает только у влюбленных. Он взял Нику за теплую руку и едва слышно прошептал: «Я люблю тебя». Она ответила ему легким поцелуем. Щека ангела покрылась багровым румянцем.

– Не представляю, если бы с тобой что-то случилось, – она

прижалась к Аделю. – Ты ведь такой уязвимый по сравнению с другими монстрами.

Ника расстегнула ночную рубашку, та упала к ее ногам. В месте, где должно находиться человеческое сердце, саднился глубокий порез.

– Поэтому я... я решила отдать тебе свое сердце, – запинаясь, прошептала Ника. – Чтобы ни один монстр не посмел тебя ранить.

Какая самоотверженность. Она попросила своего любимого закрыть глаза. Адель зажмурился, но вовсе не по просьбе Ники: его ослепил свет, кровь бросилась в голову. Сердце покинуло грудную клетку Ники и тут же вспыхнуло невиданным пламенем, озарив комнату. Казалось, в этом кусочке жизни хранился жар солнца.

– Теперь посмотри, – нежно попросила Ника.

Преодолев себя, Адель открыл глаза. В руках Ники билось горячее сердце. Кровь отхлынула от головы, прилила к ногам. Он невольно согнулся, словно просящий милостыню. Ника положила сердце в его холодные руки. И тут внутри ангела забушевал настоящий ураган: в глазах потемнело, окружающее пространство потускнело и стало монохромным. Только сердце не меняло цвет. Пробиваясь сквозь туманную серость, оно продолжало гореть в его глазах, словно солнце на пасмурном небе.

Стучащее сердце. Теплое сердце. Зовущее сердце.

Оно просило ангела забрать его, поместить в грудную

клетку. Свет лился на сердце водопадом сверху, поднимал его снизу, словно гейзер, разбрызгивая горячие капли света. На один вздох, короткий, бесконечный вздох ангелу показалось, что не существует ни комнаты, ни города, ни любимой Ники. Он перестал понимать, было ли сердце – теплым, Ника – сердцем, теплым – Ника. Все перемешалось в голове, пока пронзительный крик не пронесся по его сознанию.

– Нет!

– Нет!

– Нет!!!

Адель Ангел Я протер глаза. Окружение вернуло себе законность цвета, кроме одного единственного оттенка. Вместо светловолосой богини передо мной беспомощно извивалась серая женщина, по капле теряющая молодость и красоту. Она кричала:

– Тварь! Что ты сделала с Аделем?!

Из-за нахлынувших чувств у меня произошла очередная метаморфоза, и только Ника (точнее то, что от нее осталось) знала, в кого я превратился. Ее локоны стали бесцветны, лицо смялось сухой бумагой. Удивительно, как сильно она изменилась, лишившись сердца. Либо же я стал на нее иначе смотреть, получив желаемое. Она требовала вернуть любимого Аделя, срываясь на крик. А я растерянно держал в руках ее сердце, готовый провалиться под землю.

– Ника, – виновато начал я.

– Верни его!

Она упала на колени, еще какое-то время продолжая лихорадочно повторять: «верни, верни, верни». Затем, внезапно успокоившись, устремила на меня взгляд, полный ненависти, запустила подсвечником и поползла к шкафу.

– Ну держись, тварь! – она визгливо засмеялась. Уцепившись за створки, она распахнула дверцы, выхватила случайную вешалку, кинула на пол. Монстр материализовался.

– Убей его! – завизжала она. – Убей!

Чудовище напоминало огромного волка без глаз. Похоже, оно ориентировалось по запаху. В своем безобидном облике я мог бы сразу залететь ему в глотку, чтобы не мучиться. Но все обернулось иначе. Чудовище приблизилось к Нике, уткнулось изогнутой пастью в ее пустую грудь. Почувствовало запах теплой крови. Не обнаружив сердца, тварь оскалилась и завывала.

– Стой! – ужаснулась Ника, направив трясущуюся руку в мою сторону. – Смотри, он там! Убей его!

Но тварь уже крепко вцепилась в ногу своей жертвы и потащила ее в шкаф, в самую темноту, срывающуюся с вешалок. Не в силах вырваться, Ника уставилась на меня.

– Помоги! – надрывалась она. Когтистые лапы из шкафа хватили её за бедра.

Она кричала в агонии, бессвязно кричала, пока лицо ее не разорвалось, словно старая бумага. Монстры ринулись к ней, набросились на нее, растерзали. Дверцы шкафа захлопнулись, за ними еще слышались странные чавкающие звуки,

страшные звуки. Ника умерла, ее заживо съели монстры.

Нет. Это не могла быть Ника. Это был хамелеон, очередной уродливый монстр. Это не могла быть Ника. Она здесь, бьется у меня в руках. Просит меня спрятать ее от монстров в своей грудной клетке.

«Боже, – прошептал я. – Это стоило всего, что я натворил».

Одурманенный человеческой кровью, я вылез из окна, упал на заснеженную дорогу. Сердце я по-прежнему держал в руке: оно светилось мягким, приглушенным огнем, всем своим великолепием умоляя меня не бросать *ее*.

Никогда, Ника.

Никогда, моя любовь.

Никогда, моя богиня.

Я сделал движение открыть шкатулку жизни – своей новой жизни – но рука дернулась, промахнувшись. Звук выстрела разорвал тишину, заставив кристаллики моей кожи уплотниться. Но было поздно, и все побелело в глазах, заснежилось. Рука ослабла, сердце выпало из нее. Спустя несколько секунд меня окружили десятки монстров. В центре чудовищного круга стоял Виктор, потягивая сигару.

– Превосходно, – осклабился он. – Все обернулось лучше, чем я ожидал.

Он взял в свои холодные руки сердце, ощущая приятное тепло. «Маленькое солнце», – подумал он. Глаза его наполнились любовью.

– Не трогай, – прохрипел я. – Это мое сердце!

Виктор бросил на меня презренный взгляд.

– Наденьте на него ошейник! – скомандовал он.

Шею в мгновение стянули парфорсом, подвели электрический ток. Я закричал от боли. Я кричал до тех пор, пока фигура Виктора не скрылась из виду. Я кричал так, как никогда не кричали монстры, пока не упал лицом в снег. Где же Ника? Где мой свет?

Свет сочился из раненой луны, орошая город белой кровью. Город вечной ночи. Город чудовищ.